

Духовные правнуки Нансена

Белорусы как кочевой народ

Фото: Юрий Комиссаров / Коммерсантъ

13:49, 9 апреля 2024,

Ирина Халип

собкор по Беларуси

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Жизнь современного белоруса умещается или в рюкзаке, или в тюремном «кешере». С «кешером» все понятно: в Беларуси, по разным данным, на сегодняшний день около восьми тысяч человек сидит в тюрьмах по политическим мотивам. И более 300 тысяч вынуждено было уехать из страны.

Даже начальник департамента гражданства и миграции МВД Беларуси Алексей Бегун в январе [говорил](#), что только за 2021–2022 годы страну покинуло более 200 тысяч граждан. И это официальные данные. В действительности же, по подсчетам экспертов, число варьируется от 300 до 500 тысяч человек.

Зная мстительность и садистскую изобретательность белорусского режима, можно было сразу предположить, что для спасшихся этот самый режим начнет придумывать разнообразные пакости: не догонит — так хоть согреется. Трудно смириться с тем, что гражданин не только успел выбежать из квартиры на полчаса раньше, чем его дверь выломали силовики, но еще и оказался в безопасности и теперь недосыпаем. Против уехавших возбуждали уголовные дела в виде спецпроизводства, судили заочно, конфисковывали имущество. Это, конечно, немного утешало, но не до полного торжества. И в сентябре прошлого года Лукашенко придумал хитроумный трюк: он подписал [указ](#) № 278 «О порядке выдачи документов и совершения действий». Этот указ де-факто забрал у белорусских консульств за границей все полномочия и поставил белорусов, уехавших из страны, на грань нелегального положения. Потому что теперь консульства не оформляют ни паспорта взамен тех, чей срок действия истекает, ни справки, ни доверенности и не апостилируют документы. За всеми этими простыми консульскими действиями белорусам теперь нужно ехать на родину.

Ситуация чуть проще для тех, кто сразу обратился за

предоставлением международной защиты. Международная защита, то есть предоставление статуса беженца, предполагает выдачу проездного документа — того, который в просторечии называют Женевским паспортом (благодаря Конвенции ООН о статусе беженцев, принятой в 1951 году в Женеве). Они, по крайней мере, будут иметь на руках документ, с которым можно путешествовать. Правда, их родившиеся за границей дети уже не смогут получить белорусский паспорт, а станут беженцами по рождению, а сами обладатели защиты не смогут за границей даже доверенность родственникам выписать. Но это уже мелочи по сравнению с опасностью оказаться за границей нелегалом в день окончания срока действия паспорта.

Проблема в том, что многие белорусы, бежавшие из страны после начала массовых репрессий 2020 года, не обращались за международной защитой и не собирались становиться беженцами. Тогда еще казалось, что ситуация в стране может измениться, что нужно только чуть-чуть подождать, пересидеть, отдышаться — и можно будет возвращаться домой. Я это ощущение знаю очень хорошо:

11 месяцев я не распаковывала чемодан, а только стирала с него пыль. Зачем распаковывать, если завтра режим Лукашенко рухнет и я поеду домой?

Фото: Юрий Комиссаров / Коммерсантъ

И десятки, если не сотни тысяч белорусов думали так же. Руки-ноги-мозги есть, так зачем устраивать все эти заморочки со статусом беженца, сидеть сиднем в ожидании решения, взваливать на новое государство какие-то лишние проблемы, если можно просто устроиться на работу и получить временный вид на жительство? Тем более что тогда, в 2020–2021 годах, это было очень легко. Польша, несмотря на локдаун, в августе 2020 года открыла границы для белорусов. Получить годовую гуманитарную визу можно было, просто придя в консульство с ходатайством «прошу выдать в связи с ситуацией в стране». Более того, в октябре того же года Польша изменила законодательство, и обладатели гуманитарных виз получили доступ к рынку труда без всяких дополнительных разрешений. Так что даже вид на жительство белорусам был, в сущности, без надобности — тем более что все мечтали скорее вернуться в ту самую Беларусь, где в августе 2020 года почувствовали себя

народом. Так что соискателей убежища среди тех, кому грозила опасность на родине, было вовсе не так много.

Те, кто чувствовал, что лучше не ждать визу, а сматывать удочки как можно скорее, уезжали в Украину, Грузию, Черногорию. Искали временную работу, мечтали, что вот уже завтра — ну ладно, послезавтра или в крайнем случае через пару месяцев — можно будет возвращаться домой. Не пускали корней, не обрастали вещами. И правильно делали, как выяснилось, потому что белорус должен уметь обходиться одним рюкзаком. Завтра закончится паспорт, и что тогда? Собираться и снова бежать, не разбирая дороги. Берендеи, номады, кочевники, бедуины — это про сегодняшних белорусов. Потому что у каждого из них рано или поздно паспорт закончится.

К слову, хотя Конвенцию ООН о статусе беженцев подписали 145 государств, далеко не все выдают даже получившим международную защиту проездной документ. Можно получить убежище, но оказаться при этом без документов. Так, например, в Черногории десятилетиями живут косовары, получившие убежище. И десятилетиями они не могут никуда выехать, потому что Черногория, даром что член НАТО и кандидат в ЕС, проездные документы не выдает. А многие страны, подписавшие конвенцию, с «женевским паспортом» не пускают — просто потому, что не слишком доверяют. Лично видела, как белорусского беженца с тем самым паспортом не пустили в Северную Македонию.

Вот если бы у вас был настоящий белорусский паспорт, сказали пограничники, мы бы пустили, а это какой-то ненастоящий документ. Впрочем, даже такой «ненастоящий» получить белорусу в изгнании очень трудно.

Белоруска Алла (имена всех героев есть в редакции, по соображениям безопасности они изменены) с мужем Олегом и двумя детьми бежала из Беларуси осенью 2020 года. Они участвовали в протестах, не скрывая лиц (белорусские спецслужбы до сих пор занимаются идентификацией участников тех протестов с помощью программы распознавания лиц, и каждый день правозащитники сообщают о новых арестах белорусов, вышедших на марши три с половиной года назад). Балкон Аллы на верхнем этаже, с которого снимают флаг сотрудники МЧС, облетел многие мировые медиа. Ее не нужно идентифицировать — адрес и имя известны. Алла с Олегом решили не дожидаться получения гуманитарной визы в Польшу и рванули в Черногорию с безвизовым въездом (вовремя, как выяснилось позже). Отдыхались, начали работать: Алла — дизайнер, открыла собственную компанию по отделке интерьеров. В феврале у них закончился вид на жительство в Черногории, и оказалось, что его могут продлить всем, кроме старшего сына — у него паспорт заканчивается в июне. А с таким сроком действия на новые документы рассчитывать не стоит. И заменить паспорт ребенка — младшего школьника — в консульстве уже невозможно.

Фото: Юрий Комиссаров / Коммерсантъ

Алла обратилась в посольство Польши в Черногории — в конце концов, именно поляки знают о белорусских проблемах больше, чем кто бы то ни было. Это они открыли границу, несмотря на пандемию. Это они начали выдавать гуманитарные визы. Это они после вступления в силу лукашенковского указа перестали ставить печати о въезде-выезде белорусов на границе, чтобы не занимать место на страницах паспорта (у белорусов один паспорт является и внутренним, и заграничным). Но консульство Польши ответило: ребята, мы бы рады помочь, но вы теперь находитесь в безопасном месте, так что ничем помочь не можем, обустраивайтесь там. Посольство Германии на запрос ответило: вы в безопасной стране, у вас нет оснований обращаться к другим государствам, но если вашему старшему сыну откажут в виде на жительство на основании скорого окончания срока действия паспорта, тогда пишите нам снова. Алла каждый день не знает, что ей придется делать завтра. На крайний случай рассматривает возможность

получения однократной туристической визы в любую страну ЕС и «сдачу» пограничникам прямо в аэропорту. Но опять же — если со стремительно уменьшающимся шагреновым паспортом сына они вообще куда-нибудь смогут выехать. Черногория, конечно, Конвенцию подписала и заявления о предоставлении убежища принимает. Но проездные документы, гарантированные статьей 28 Конвенции, Черногория не выдает. Как и многие другие страны, подписавшие Конвенцию, — просто потому, что не было прецедентов. За защитой все рвались в ЕС, а маленькие небогатые страны как-то обходились без беженцев. И теперь не знают, что с ними делать. А белорусы Черногории не знают, куда бросаться с рюкзаком и детьми.

В Грузии в 2020 году белорусская диаспора стала одной из самых активных. Люди приезжали из-за того, что туда легко добраться, нет визового режима и год можно находиться в стране легально, а потом просто выехать и снова въехать. «Визаран» белорусы Грузии осуществляли самым простым способом — автобусом из Батуми в Турцию и обратно. А потом что-то пошло не так.

Возможно, причиной стали протесты белорусов по поводу [подписания](#) договора о сотрудничестве между грузинской Службой государственной безопасности и белорусским КГБ. Это ставило под удар бежавших из Беларуси в Грузию, и диаспора начала протестовать. Люди выходили на митинги к зданию СГБ Грузии, давали интервью, объясняли, что это соглашению подрывает доверие международного сообщества к правительству Грузии, вступившему в сомнительные отношения с диктаторским режимом. И начались аннулирования видов на жительство, отказы в предоставлении убежища и отказы во въезде в страну после «визарана». Когда в Грузию с формулировкой «другие причины» не впустили жившего там два года основателя НКО «Белорусская диаспора Аджарии» правозащитника Евгения Гацака, многие белорусы начали паковать свои рюкзаки.

Алина с мужем не спешили. Хотя на всякий случай на ежегодный «визаран» выезжали по очереди: если одного вдруг не пустят обратно, у второго будет возможность хотя бы вещи собрать и договор аренды расторгнуть. А

недавно Алина узнала о своей беременности. Муж с женой поздравили друг друга, попрыгали по квартире с воплями восторга, а потом поняли, что их ребенок родится нелегалом. Свидетельство о рождении ему не выдадут — за этим Республика Беларусь с иезуитской улыбкой приглашает всех на родину, в органы ЗАГС по месту прописки.

Спустя три года после эмиграции просить убежища, когда вокруг отказы без объяснения причин, — не лучший эмоциональный фон для беременной женщины. И Алина с мужем, проведя несколько дней без отрыва от компьютера, приняли решение: ехать в Аргентину, на другой конец земного шара. Просто потому, что рожденные там дети получают местные документы автоматически. Была бы такая законодательная норма в Чаде или Эритрее — рванули бы туда, тут не до выбора. Белорусом в изгнании сегодня движет не поиск безопасного места, а возможность получить хоть какой-то документ. Но не у всех получается.

Я боюсь писать Олегу с Дашей, потому что страшно слышать отчаяние, которое с каждым днем все сильнее пробивается через обычные фразы в мессенджере. Они, как и многие белорусы, бежавшие без возможности подготовиться, уходили из Беларуси в Россию лесами, а там пересекали российско-украинскую границу. Украина тогда, в 2020–2021 годах, приняла

многих белорусов. Осенью 2021 года предполагалось даже, что именно в Киеве будет создан большой белорусский хаб для медиа и НКО в изгнании. Но в феврале следующего года белорусы в Украине оказались фактически вне закона. Им пришлось уходить на Запад вместе с украинцами. И многие столкнулись с тем, что претендовать на убежище они уже не могут на фоне разворачивающейся рядом трагедии. «У вас есть постановление о возбуждении уголовного дела? Нет? Вы успели сбежать? Простите, но это только ваши слова, ничем помочь не можем». Так закончилась попытка получить убежище для минчан Олега и Даши в Венгрии — первой стране ЕС, где они оказались после отъезда из Одессы в феврале 2022 года. Ехать в другую страну и просить убежища там? Увы, у них уже есть отказ в стране Евросоюза. Сейчас они в Черногории — ждут окончания срока действия своих паспортов и не знают, что делать дальше.

Фото: AP / TASS

История Даши и Олега очень показательна. Многие белорусы

оказались в похожей ситуации: даже если они готовы обратиться за предоставлением убежища, то далеко не всегда могут предоставить доказательства опасности возвращения на родину и преследований. Люди, которые успевали убежать до того, как за ними пришли, не могут предъявить никаких бумаг: силовики не шлют электронные письма вроде «мы вас посадим, вам грозит 10 лет». А кроме протестов, есть еще и донаты, которые вообще выглядят для миграционных чиновников чем-то несуразным («это не создает угрозы для вас»), но де-факто грозит реальными сроками. Можно вспомнить хотя бы белоруску Галину Краснянскую, которая в белорусских протестах 2020 года не участвовала хотя бы потому, что много лет живет в Швеции. И все эти годы время от времени спокойно приезжала в Беларусь навестить родственников. А весной 2023 года Галину, приехавшую в очередной раз на родину, арестовали. За донаты. И в январе **приговорили** к пяти годам лишения свободы. Могла бы Галина накануне ареста доказать, что поездка в Беларусь для нее опасна? Да ни в жизнь.

Можно рассказать еще множество историй, можно вспомнить прошлогодние лукашенковские поправки в закон «О гражданстве Республики Беларусь», **позволяющие** лишать гражданства уехавших белорусов, заочно осужденных «за экстремизм», можно упомянуть бесконечный конвейер репрессий и такой же непрекращающийся поток бегущих белорусов, которые в момент бегства меньше всего думают о сроке действия своего паспорта. Они задумаются о нем чуть позже, оказавшись в безопасности и отдышавшись. А вот мировое сообщество должно подумать об этом уже сейчас. Главное, что нужно понять тем, кто принимает решения.

Александр Лукашенко своим указом № 278 грубо нарушил все нормы международного права, включая те, которые даже ни в каких

конвенциях не обозначены.

Александр Лукашенко. Фото: Илья Питалев / POOL / ТАСС

Нет такого документа, в котором было бы сказано, что каждый житель планеты имеет право на удостоверение личности. И цивилизованный мир должен помочь белорусам, потому что государство от них отреклось. И еще потому, что тем же лукашенковским путем завтра пойдут и другие тоталитарные государства, и уже не сотни тысяч, а миллионы жителей планеты станут нелегалами.

Речь идет даже не о санкциях (все мы знаем, с каким скрипом и через какой пень-колоду они принимаются) — исключительно о помощи людям. Некоторые элементы такой помощи отдельные государства инициировали самостоятельно. Например, Германия обещает принимать заявления на получение проездного документа от белорусов с уже просроченными, то

есть недействительными паспортами и рассматривать их заявления в индивидуальном порядке. Но этого мало.

Самое простое, что можно сделать, — это на уровне ООН признать просроченные белорусские паспорта действительными. Это не потребует разработки дополнительных международно-правовых механизмов — достаточно простого общего решения. Не менее просто — сократить требования к соискателям убежища из Беларуси. Если гражданам Украины временная защита в любой стране предоставляется просто на основании происхождения в стране их гражданства, то для белорусов вполне реально ввести такие же простые основания: подлежит предоставлению защиты, потому что в Беларуси диктатура и массовые репрессии. Требовать доказательств преследования — на фоне белорусской действительности выглядит как издевательство, потому что когда к белорусу придут с постановлением о возбуждении уголовного дела, ему уже негде будет его предъявлять. Разве что в тюремной камере, но уж точно не в миграционном департаменте другой страны. Чуть сложнее — дать возможность всем белорусам, независимо от статуса, получать проездные документы иностранца во всех государствах, где они оказались в изгнании. Но и это возможно. А пока

путь белорусского эмигранта — чемодан — вокзал — неизвестность. Точнее, рюкзак — автостанция — безнадежность.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Дорога в тюрьму](#)

По данным правозащитников, 125 белорусов были задержаны на границе, возвращаясь домой — по гарантиям властей

16:37, 27 декабря 2023, Ирина Халип

[Тихое медленное убийство](#)

Как умирают белорусские политзаключенные

13:16, 22 февраля 2024, Ирина Халип